

М. Ф. Владимирский-Буданов

Хрестоматия по истории русского права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Ф. Владимирский-Буданов**
Хрестоматия по истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 218 с.

ISBN 978-5-4241-7593-0

Хрестоматия по истории русского права

ISBN 978-5-4241-7593-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИВАНА ДАНИЛОВИЧА КАЛИТЫ (ВТОРАЯ) 1328 ГОДА (¹).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимъ не нужень, цѣлымъ

(¹) Б. Н. Чичеринъ, для рѣшенія вопроса: «когда возникло русское государство?», считаетъ духовныя и договорныя грамоты XIV—XV вв. «главными источниками, которые раскрываютъ намъ общественное право древней Россіи». Такимъ образомъ государства Новгородское и Псковское должны совершенно исчезнуть изъ исторіи русскихъ государственныхъ формъ (уналичывая уже о томъ, что начала новгородскаго устройства несомнѣнны и ясны въ другихъ русскихъ земляхъ.—См. В. И. Сергѣевича: «*Вѣче и Князь*»). Находя, что право государственное и гражданское представляютъ намъ двѣ «противоположныя области», Б. Н. Чичеринъ говоритъ, что изъ этихъ двухъ формъ общегитія въ древней Руси существовала послѣдняя (но семейство и родъ не могутъ быть признаны формами «противоположными» государству: это генетическія формы государства); «наслѣдованіе у московскихъ князей происходило по частному праву, причемъ, такъ же какъ и въ наслѣдованіи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя...; не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему какъ собственность (неограниченная, или ограниченная правами другихъ лицъ) по частному праву, а не по государственному...; удѣлы... продаются, покупаются совершенно на томъ же основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ всякое частное имущество». Признавая такой взглядъ вѣрнымъ въ отношеніи къ татарской эпохѣ, Н. И. Костомаровъ изъясняетъ происхождение «вотчинныхъ началъ» изъ татарскаго завоеванія: «Верховный владыка—завоеватель и собственникъ Руси ханъ, называемый правильно русскими царемъ, раздавалъ князьямъ земли въ вотчины... Прежде земля не принадлежала князю; земля была сама-себѣ государь, а князь—господиный». («*Начало единой державы*». Вѣстн. Евр. 1870. Дек.). См. дальнѣйшія примѣчанія.

своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; ⁽²⁾ а се есмь имъ роздѣль учинилъ ⁽³⁾.

⁽²⁾ «Слово: *отчина* всегда и вездѣ означаетъ наследственное владѣніе» (В. Н. Чичеринъ), но не означаетъ непремѣнно наследственнаго владѣнія по частному праву: в. князья называютъ В. Новгородъ отчиною въ то время, когда государственныя формы Новгорода не были еще разрушены (см. ниже Догов. Донск. съ Твер. Кн.). «Отчина есть ничто иное, какъ столъ отца» (В. И. Сергѣевичъ, стр. 318). Объ оставленіи Москвы въ общемъ владѣніи сыновей см. *ibid.* 313—314, гдѣ авторъ объясняетъ это стремленіемъ къ большому уравненію сыновей въ доходахъ, а не остаткомъ сознанія о нераздѣльности государственной власти въ каждой землѣ. Изъ общаго владѣнія Москвою трехъ сыновей Калиты образовалось дѣленіе доходовъ Москвы на трети и намѣстники третники (см. Губную Запись ст. 4 и пр. къ ней), хотя въ потомствѣ Ивана и Андрея доли участія въ доходахъ Москвы измѣнялись самымъ различнымъ образомъ.

⁽³⁾ За отчисленіемъ Москвы, всѣ остальные владѣнія (уѣзды и волости) и частное имущество дѣлятся между сыновьями (по возможности) поровну. Въ этомъ видятъ «только заботу отца о томъ, чтобы каждый сынъ былъ надѣленъ достаточнымъ имѣніемъ». Но такой порядокъ скоро исчезаетъ: уже Дмитрій Ивановичъ Донской благословляетъ сына своего Василия «на старѣйшій путь въ городѣ и станѣхъ моего удѣла двою жеребевъ половина; а тремъ сыномъ (остальнымъ) половина». Отсюда начинается постепенно увеличивающееся *стремленіе къ майоратству* въ княжескомъ наследованіи, кончившееся при Іоаннѣ III окончательнымъ утвержденіемъ единонаслѣдія. Это стремленіе до такой степени противорѣчитъ началамъ русскаго частнаго права наследованія, что даже желѣзная воля Петра Великаго (ук. 1714 г.) не могла измѣнить этихъ началъ. «Замѣтилъ (говорить В. Н. Чичеринъ), что мы то же самое стремленіе видимъ и въ другихъ княжествахъ: въ договорѣ 1496 г. в. князь рязанскій Иванъ Васильевичъ обязываетъ брата своего Фед. Вас. въ случаѣ бездѣтной смерти не отдавать своей вотчины никому, некоторою хитростію, мимо старшаго брата». Это стремленіе онъ называетъ признакомъ государственнаго начѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по странному противорѣчію, объясняетъ его тѣмъ, что, «познавши на опытѣ невозможность прочнаго могущества при раздѣленіи владѣній, московскіе князья стали усиливать

Се даль есмь сыну своему болшему Семену: Можакъ со всеми волостями, Коломну со всеми коломенскими волостями, Городенку, Мъзыню, Пъсочну и Середокоротну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село⁽⁴⁾ Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Костянтиновское, село Орининьское, село Островское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховское, село Напрудьское у города. А при своемъ животѣ даль есмь сыну своему Семену: 4 чеши золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчюги, блюдо золото съ женчюгомъ съ каменемъ, 2 чума золота болшая; а исъ судовъ исъ серебряныхъ даль есмь ему 3 блюда серебряна. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходоль, Великую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободу, Скирминовское, Тростну, Нѣгучю; а села: ⁽⁴⁾ село Рюховское, село Каменичьское, село Рузьское, село Бѣлжиньское, село Максимовское, село Андрѣевское, село Вяземское, село Домонтовское, село въ Замошьской свободѣ, село Семьцинское. А изъ золота даль есмь сыну своему Ивану: 4 чеши золоты, поясъ золотъ болший съ женчю-

одного наслѣдника на счетъ другихъ». Почему же эта аристократическая тенденція явилась только въ княжескихъ родахъ и ни въ какихъ другихъ?

⁽⁴⁾ Не смотря на такое ясное различіе сель отъ уѣздовъ и волостей, В. Н. Чичеринъ говоритъ, что «не дѣлается никакого различія въ сущности княжескаго права на то и другое». Но А. Д. Градовскій (*Истор. мѣстнаго управленія*, с. 16 и сл.) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (*Русская Истор.*, т. I, стр. 436) держатся иного мнѣнія; послѣдній формулируетъ мысль А. Д. Градовскаго слѣдующимъ образомъ: «Селомъ (купленнымъ, вымѣненнымъ, извѣчнымъ) князь владѣлъ вполнѣ, волостями и городами

гомъ съ каменемъ, поясъ золотъ съ капторгами, поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглы золоты, блюдо серебряно ѳздининское, 2 блюдци меншии. А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ; а се села ('): село Талежьское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломнинское, село Ногатинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чеши золоты, поясъ золотъ фрязьскій съ женчугомъ съ каменемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ на червчатѣ шелку, поясъ золотъ царевскій, 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; а изъ блюды: блюдо серебряно, а два малая. А се

владѣль не какъ частный собственникъ: онъ только пользовался съ нихъ доходами и даями. Здѣсь онъ является государемъ». «Что будетъ к. въ тѣхъ волостяхъ села или пути (т. е. государственные доходы), а то все даю сыну своему Василию» (С. Г. Гр. и Д. I, № 51). «Различіе между волостными землями и частными заключается въ томъ, что послѣдними можно было владѣть безъ служебныхъ обязанностей (владѣльцевъ къ князю), а первыми нельзя». — А. Д. Градовскій. Сл. прии. 10 и 11 къ Догов. Дон. съ Твер. Княземъ.

Что между владѣніемъ волостями и владѣніемъ селами должна быть нѣкоторая разница—это слѣдуетъ уже изъ того, что селами въ удѣлахъ владѣли не одни князья, но и частные собственники (боаре, церковь). В. Н. Чичеринъ стремится отразить это возраженіе слѣдующимъ образомъ: «Въ то время не думали разбираться, кто здѣсь имѣлъ право собственности и кто право владѣнія или право на чужую вещь (*ius in re aliena*). И тотъ и другой (князь и вотчинникъ) считались вотчинниками, а разрѣшалось дѣло практически: часть вотчинныхъ правъ принадлежала одному, а часть другому». Именно судъ и дань, принадлежавшіе князю, по его мнѣнію, означаютъ права чисто-поземельныя. Но объ этомъ см. прилѣч. 14 и 15 къ Догов. Донского съ Тверск. Княземъ.

даю Княгини своей съ меншими дѣтми: (5) Сурожикъ, Мушкину гору, Радонѣжское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновская, Возна, Дѣйково, Раменье, Данилищова свободка, Машевъ, Селна, Гуслица, Раменье, что было за княгинею; а села: село Михайловское, село Луциньское, село у озера, село Радонѣжское, село Дѣйгуиньское, село Тыловское, Ротожь, село Протасьевское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузѣ, 2 селѣ Коломеньскии. А изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмичее; а тамгою и иными волостми городскими подѣляться сынове мои: такоже и мыты, которые въ которого уѣздѣ, то тому; а оброкомъ городскимъ Василцева вѣданья подѣляться сынове мои. (6) А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ,

(5) Въ завѣщаніи Ивана Ивановича сказано, что по духовной отца его княгиня Ульяна вѣдаетъ эти волости, села и осмичее *пожизненно* (В. Н. Чичеринъ). Впослѣдствіи Семень Ивановичъ отдалъ весь удѣлъ свой женѣ, княгинѣ Марьѣ. «Въ духовной его не сказано—на какомъ правѣ, но, вѣроятно, на правѣ полной собственности» (?). (Онъ же). Неужели, поэтому, мы должны признавать княгиню Марью великою княгинею всея Руси (титულъ, усвоенный Семеновъ)? Со времени духовной Ивана Ивановича установился слѣдующій порядокъ наслѣдованія женъ: онѣ получаютъ въ пожизненное владѣніе по нѣскольку волостей въ удѣлѣ каждаго сына. Правъ княгинь въ ихъ пожизненныхъ владѣніяхъ лучше всего уясняются изъ слѣдующаго факта: жена Василя Васильевича получила въ пожизненное владѣніе между прочимъ городъ Ростовъ, который, однако, продолжаютъ владѣть ростовскіе князья.

Въ правахъ наслѣдованія дочерей самъ В. Н. Чичеринъ признаетъ совершенное отступленіе отъ порядка частнаго наслѣдованія: дочери «владѣли иногда удѣлами, но не иначе, какъ нераздѣльно съ матерью, до смерти послѣдней».

(6) «Слѣдовательно волость означала доходъ, принадлежавшій князю, какъ представителю государственной власти» (А. Д. Градовскій, стр. 18). Осмичее, тамга, мытъ—вотъ что завѣщаетъ князь своимъ дѣтямъ, когда раздаетъ имъ волости.

которые въ которого росписи, то того (7). А по моимъ грѣхомъ ци имуть искати Татарове которыхъ волостей, а отымуться вамъ сыномъ моимъ и княгини моей, подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсь (8). А чисельни люди вѣдають сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного; а что мои люди куплени въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлятъ сынове мои (9). А что золото княгини моее Оленино, а то есмь даль дчери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковаль; а чело и гривну, то есмь даль при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь даль княгини своей съ меншими дѣтми. А исъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обиръ съ женчугомъ, коць великий съ брмами; Андрѣю сыну моему бугай соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменемъ, скорлатное портище съ бармами. А что есмь нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомъ, а то есмь даль меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то роздаять по попямъ. А что мое 100 рубли у Ески, а то роздаять

(7) Частное имущество—купленные люди не составляютъ принадлежности волостей и дѣлятся между наследниками не по волостямъ, а по особой росписи.

(8) Если татары отнимутъ какія «волости», то наследники должны передѣлиться вновь въ такомъ случаѣ (на то мѣсь). Это наилучшимъ образомъ подтверждаетъ мысль о волостяхъ, какъ государственныхъ доходахъ; ибо известно, что татары никогда не отторгали территорій у русскихъ князей.

(9) Численные люди—волостные неслужилые не дѣлятся между наследниками, какъ купленные (рабы); завѣдываніе обща этни людьми указываетъ на то, что понятіе объ единствѣ государства не вполне исчезло при дробленіяхъ княжествъ на удѣлы.

по церквамъ. А что ся остало изъ моихъ судовъ изъ серебряныхъ, а тымъ подѣляться сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моихъ портъ, а то роздаять по всемъ попямъ и на Москвѣ. А блюдо великое о 4 колца, а то даю святѣй Богородици Володимерской. А что есмь далъ сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стады моими подѣлятся сынове мои и княгини моя. А опрочь московскихъ сель (¹⁰) даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимери Борисовское. А что есмь купилъ село Петровское и Олексиньское, Вседобрить и Павловское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ митрополитомъ... , а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, то даю сыну своему Ивану. А что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловьское у Юрьева, что есмь смѣнилъ на Матфѣищовьское село, то даю сыну своему Андрѣю. А что село Павловское бабы нашее купля, и новое селще, что есмь купилъ, и Олександръ святой, что есмь купилъ на Костромѣ, то даю княгини своей. А что есмь купилъ село въ. Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску (¹¹) Ворькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будетъ за нимъ; не иметь ли служить дѣтемъ моимъ, село отоимуть (¹²).

(¹⁰) См. выше примѣч. 4. Здѣсь завѣщатель приравниваетъ села, ~~приобрѣтенныя~~ имъ въ другихъ княжествахъ или земляхъ (именно куплену и мѣною), не вообще къ московскимъ владѣнiямъ, а именно къ московскимъ селамъ.

(¹¹) Уменьшительное имя указываетъ на несвободное состоянiе этого лица. См. прим. къ 63-й ст. 1-го Суд. и прим. слѣд.

(¹²) Это считается первымъ примѣромъ установленiя помѣстнаго права, *исходная точка* котораго совершенно другая, чѣмъ жалованной вотчины (Н. Л. Дювернуа: Источн. Пр. и Судъ въ др. Рос., 224). Это к. б. пер-

А что есмь прикупилъ селце на Кержачи у Прокофья у игумна, другое Леонтиевское, третье Шарповское, а то даю святому Олександру собѣ въ поминанье. А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ ⁽¹³⁾. А кто сю грамоту порушитъ, судить ему Богъ. А на се послуши отецъ мой душевный Ефрѣмъ, отецъ мой ду-

вое *извѣстіе* объ ограниченномъ вотчинномъ правѣ и, конечно, не можетъ быть признано первымъ случаемъ его *установленія*: князья начали давать своимъ *низшимъ* слугамъ (полусвободнымъ и несвободнымъ) надѣлы землею съ правами лишь пользованія, подъ условіемъ службы, съ самаго того времени, когда содержаніе большой дружины при самомъ дворѣ князя готовыми продуктами сдѣлалось затруднительнымъ. Сидяшнивать это съ кормленіями, какъ дѣлаетъ Неволинъ, хотя и осторожно. (Пол. Собр. Соч. т. IV, 192—195), не слѣдуетъ, потому что кормленщику предоставлялись права государственныя, а помѣщику—частныя. Сл. А. Д. Градовскаго: Ист. Мѣст. Управ., 32—35: «Князь могъ пожаловать въ помѣстье только такіе предметы, по отношенію къ которымъ онъ самъ могъ быть вотчинникомъ», а не тѣ, «которые подлежали его власти, какъ государя. Въ кормленія жаловали послѣдній разрядъ предметовъ, въ помѣстья—первый: судъ, мыть, тафта..., должность намѣстника и волостеля могли быть предметомъ кормленій, а не помѣстій». Кормленія исключительно принадлежали боярамъ, а помѣстья—низшимъ слугамъ («а которые дѣти боярские служатъ моей княгинѣ, и слуги ее, и вси ее люди холопи еѣ, и кому буду язъ кн. вел. тѣмъ давалъ свои села...» Духов. Вас. Вас. 1462. С. Г. Гр. и Д. I, стр. 207). Впослѣдствіи жалованныя вотчины и помѣстья сдѣлались двумя сторонами одного явленія: жалованная вотчина приравнивается къ помѣстьямъ, помѣстья съ теченіемъ времени приравниваются къ жалованнымъ вотчинамъ. Общее и тѣмъ и другимъ—ограниченіе правъ распоряженія.

(¹³) Это порученіе младшихъ сыновей, жены и дочерей надзору и заботливости старшаго, дѣйствительно, не имѣетъ признаковъ государственной передачи верховной власти одному старшему; иногда такія же порученія даются стороннимъ князьямъ другихъ великихъ княжествъ. Но оно же достаточно ясно указываетъ на то, какъ слѣдуетъ понимать подобныя же порученія, даваемыя женамъ.

шевный Федосий, отец мой душевный попь Давыдь (14).

(14) Смѣшеніе публичнаго права съ частнымъ есть явленіе общее всѣмъ народамъ въ ихъ владенствѣ: право семейное, право собственности проникаются политическими элементами; наоборотъ, право публичное окрашивается элементами частными. Постепенное выдѣленіе этихъ элементовъ (которое никогда не можетъ быть окончательнымъ) образуетъ различныя степени развитія общества, а не два противоположныхъ общества. Однако у разныхъ народовъ, стоящихъ на параллельной ступени развитія, это смѣшеніе бываетъ далеко не одинаково.

Духовная Калиты напечатана въ С. Г. Гр. и Д. I. № 22.

Другія духовныя грамоты князей XIV и XV вв., сохранившіяся до насъ, слѣдующія:

- 1) Духовная Ивана Калиты (первая), 1328. (С. Г. Гр. и Д. I. № 21).
- 2) Семена Ивановича, 1353 г. (№ 24).
- 3) Двѣ Ивана Ивановича, 1356 (№№ 25 и 26).
- 4) Двѣ Дмитрія Донскаго, 1371 и 1389 (№№ 30 и 34).
- 5) Три Василя Дмитріевича, 1406, 1423 и 1424 гг. (№№ 39, 41 и 42).
- 6) Владимира Андреевича, 1410 (№ 40).
- 7) Юрія Дмитріевича Галицкаго, 1434 (№ 51).
- 8) Двѣ Василя Темнаго, 1462 (№№ 86 и 87).
- 9) Юрія Васильевича, 1472 (№ 96).
- 10) Бориса Васильевича Волоцкаго, 1477 (№ 105).
- 11) Андрея Васильевича Меншаго, 1481 (№ 112).
- 12) Восемь Михаила Андреевича Верейскаго, 1486 (№ 122).
- 13) Ивана III-го, 1504 (№ 144).

Духовныя княгини (см. ib. №№ 82 и 131) и удѣльныхъ князей 2-й половины XV в. имѣютъ характеръ частныхъ завѣщаній (см. ib. №№ 130 и 132). Бѣльшее значеніе для государственнаго права имѣетъ духовная великая княгиня Софія Витовтовны 1453 г. (№ 83).

См. Духовную Іоанна Грознаго: Допол. къ А. И. т. I, № 222.

**ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДМИТРІЯ ІОАННОВИЧА
СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ТВЕРСКИМЪ
МИХАИЛОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ, 1368 ГОДА.**

По благословенью отца нашего Алексія митрополита всея Руси. На семь, брате младшій, князь великій Михайло Александровичъ, целуй ко мнѣ крестъ къ брату старѣйшему князю великому Дмитрию Ивановичю и къ моему брату князю Володимеру Андрѣевичю, и къ нашей вотчинѣ къ Великому Новгороду (¹), и за свои дѣти и за свои братаничи. Имѣти

(¹) См. о значеніи договоровъ въ древнемъ русскомъ госуд. правѣ у Сергѣевича, 122—156. Говоря о договорахъ сѣверно-русскихъ князей, В. Н. Чичеринъ не рѣшается отнести ихъ ни къ сферѣ государственнаго, ни къ сферѣ международнаго права, — первое на томъ основаніи, что «отношенія правительства къ подданному не могутъ опредѣляться договорами; каждый членъ общества подчиняется верховной общественной волѣ не на основаніи личныхъ условій или частнаго обязательства, а на основаніи общихъ законовъ». Начало это, выраженное во всей строгости, совершенно не прилагается къ явленіямъ государственнаго права средневѣковой эпохи: какъ на Западѣ договоры королей съ сословіями являлись въ видѣ хартій, такъ на Руси земскаго періода каждая Земля, при выборѣ новаго князя, поставляла съ нимъ рядъ (договоръ). Цѣлая масса договорныхъ грамотъ В. Новгорода съ своими князьями (см. Христ., вып. 1, стр. 216) относится сюда же, ибо и здѣсь князь составлялъ существенный (неизбѣжный) элементъ верховной власти (сл. ниже Грам. Казимира 1457 г.). Дѣло въ томъ, что В. Н. Чичеринъ, принимая нынѣ дѣйствующую форму государства — Rechtsstaat — за единственную, не признаетъ государственными ни одну изъ формъ, ей предшествующихъ, и избираетъ ее масштабомъ при оцѣнкѣ всѣхъ прочихъ (среди ея предшественницъ онъ различаетъ кровное общество и гражданское общество). Споръ, поднятый противъ его теоріи, можно бы не считать существеннымъ, какъ споръ о терминахъ для выраженія общаго (родового) понятія и его видовъ, если бы онъ не признавалъ въ т. н. «гражданскомъ обществѣ» совершеннаго отсутствія политическихъ элементовъ (причемъ государство является лишь какъ діалектическое отрицаніе предшествующей формы), если бы онъ по